

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ, ОРГАНИЗУЕМОЕ СЛОВОМ *СОВЕСТЬ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В словарях современного русского языка лексическая единица *совесть* фиксируется идентично лишь с некоторыми изменениями в структуре дефиниции, которые не оказывают серьезного влияния на ее качество. Например, в 17-томном Словаре современного русского литературного языка (Большой академический словарь, БАС) в статье на это слово указывается: «Совесть Чувство и сознание моральной ответственности за свое поведение и поступки перед самим собой, перед окружающими людьми, обществом; нравственные принципы, взгляды, убеждения» (4, 71). В четырехтомном академическом Словаре русского языка, так называемом Малом академическом словаре (МАС) значение слова определяется следующим образом: «Чувство и сознание моральной ответственности за свое поведение и поступки перед самим собой, перед окружающими людьми, обществом, нравственные принципы, взгляды» (3, 175). Статья в МАС буквально повторяет статью из БАС, единственное отличие состоит в отсутствии слова *убеждения*. Скорее всего, это имеет идеологическое обоснование. БАС издавался в период с конца 40-х гг. до начала 60-х гг. XX в., когда идеологические матрицы тоталитарного социалистического государства были еще очень сильны. Разумеется, слово *убеждения* однозначно ассоциировалось с коммунистической идеологией. Подразумевалось, что если у человека отсутствуют соответствующие убеждения, то у него и совести нет. На самом деле, конечно, прав был И. Кант, рассматривавший совесть как категорический императив.

С точки зрения сугубо лингвистической или лингвостилистической данная дефиниция должна расцениваться как тавтологическая. Дело в том, что в информационном отношении слово *убеждение/убеждения* ничего не добавляет к слову *принципы*. Поэтому статья из МАС представляется более логически оправданной.

То же самое, но с акцентом на другие категории, наблюдается в статье из Словаря Д. Н. Ушакова. Например: «Внутренняя оценка, внутреннее сознание моральности своих поступков, чувство нравственной ответственности за свое поведение» (6, 250). Новым по сравнению с дефинициями из академических словарей является категория оценки, на которую обращается здесь внимание. Элементарный семный анализ показывает, что категории «оценки» и «сознания» нельзя отождествлять. Сознание предполагает чувство восприятия. Например, человек, поступающий неподобающим образом, способен рассчитывать свои поступки, ведущие его к достижению поставленной цели, пусть неблагоприятной, и в этом смысле осознавать свои действия. Но при этом он окажется неспособным на оценку поведения. Во всяком случае словарная дефиниция позволяет говорить о различных семантических множителях, совмещающихся в структуре одного и того же слова. Так же определяется значение слова *совесть* и в новейших словарях: «Чувство моральной ответственности за свое поведение; нравственные принципы, взгляды, убеждения» (1, 1226). Если попытаться суммировать приведенные словарные статьи, то важнейшим признаком, общим для всех этих дефиниций, выступает такой критерий, как «ответственность». Все остальные показатели, на наш взгляд, носят второстепенный характер. Дело в том, что они так или иначе отражают идеологическое начало. Изначально присущим же человеку является чувство ответственности. Понятие «ответственность» выступает основным, базовым в семантической структуре слова *совесть*, совершенно независимо от представленных дефиниций. Причем объяснение мотивов развития подобной семантики следует искать в этимологии этого слова. Так, «ответственность» означает страх за то, что придется держать ответ. Возможно, это несколько не соответствует нашим представлениям о таком высоком моральном чувстве, как ответственность, однако в основе своей, видимо, актуально именно это чувство. Основной этический принцип добра и зла присущ человеку изначально. Совершая зло, человек знает, что он поступает плохо. Совесть, видимо, начинается там, где появляется чувство страха перед наказанием или действием закона бумеранга. У религиозного человека это страх перед богом, у общественно развитого существа – страх перед общественным порицанием, у самого примитивного индивида – страх перед мстостью. На наш взгляд, в семантической структуре слова *совесть* в русском языке одной из ведущих сем является сема «страх». В структуре значения слова *совесть* данная сема реализуется на периферии, поскольку совесть ассоциируется с не навязанными, а чисто добровольными решениями личности. В любом другом случае страх носит доминирующий характер, и говорить о совести не приходится. Семантическая грань между этими понятиями достаточно тонкая, она не представлена эксплицитно, несмотря на это она присутствует. Возможно, сема «страх» в семантической структуре слова *совесть* носит потенциальный характер, однако она вполне может реализовываться в различных речевых ситуациях. Следует отметить еще одно обстоятельство. Сама по себе сема «страх» носит достаточно отвлеченный характер. Например, речь здесь идет не только о страхе перед наказанием или мстостью. У обладателя совести страх может быть мотивирован угрозой общественного порицания, просто возможностью или перспективой известности поступка, кажущегося ему постыдным. Вместе с тем дифференциальным признаком семантики слова *совесть* является такой признак, как «независимость». Иными словами, для обладателя совести все равно, узнают окружающие о его проступке или нет. Ведущим признаком является «самобичевание». Именно «самость», «глубокое внутреннее содержание», «независимость от мнения окружающих» и составляют отличительную особенность совести как категорического императива.

В Словаре В. И. Даля обнаруживается очень точное и логически оправданное определение *совести*, поскольку называются именно те свойства, которые понятны каждому человеку: «нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутренне сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; способность распознавать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее от лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда, в различной степени развития» (2, 351).

Сразу же бросается в глаза объем дефиниции, значительно больший по сравнению с современными словарями. Кроме того, совершенно очевидно, что В. И. Даль пытается эксплицировать концепт, вводя в дефиницию понятия или признаки, правдивость которых подтверждается индивидуальным жизненным опытом каждого человека. Например, вводится такой признак, как «тайник», подчеркивающий глубокую интимность совести. Характерно также, что В. И. Даль говорит не об обычном сознании, но вводит критерий нравственности. Данный критерий в форме *моральной ответственности* отмечается и в современных словарях, но характерная особенность далевского определения, на наш взгляд, заключается в том, что здесь отсутствует вообще понятие «ответственность». Нам представляется, что это ключевой момент, нейтрализующий элемент страха. Совесть определяется как своеобразный гештальт, ответственный за распознавание правильных и неправильных, удобных и неудобных, хороших и плохих поступков. Не случайно В. И. Даль вводит в определение и такие высокие категории, как добро и зло, вынося, таким образом, представление о совести на максимально высокий философский и подлинно нравственный уровень, вне идеологии, т.е. убеждений, принципов, взглядов. На первый взгляд, может показаться, что это определение является очень объемным и потому аморфным. На самом же деле элементарный и поверхностный анализ текста позволяет увидеть, что ни одно слово в этом определении и ни один признак совести не являются случайным. Оно отличается логической стройностью и завершенностью. Все признаки дополняют друг друга. Особо выделяется признак «невольный» – *невольная любовь к добру и к истине; «прирожденный» – прирожденная правда, в различной степени развития.*

Признак «сознания» во всех случаях является основным для семантической структуры лексемы *совесть*. Эта особенность со всей очевидностью проявляется во всех представленных дефинициях. Однако прослеживается и существенное отличие. Во всех словарях литературного языка, относящихся к прошлому столетию, выпукло представлен социальный критерий совести. На наш взгляд, это положение не связано непосредственно и исключительно с марксистским пониманием морали. Такое понимание сущности феномена совести отражает общее социологическое направление в интерпретации человеческой духовности, когда человек рассматривается как социальное существо прежде всего. В. И. Даль, напротив, то же самое состояние психики связывает с природой человека. Вводимые им семантические множители способствуют более глубокому и более точному пониманию природы этого явления. В истории русской культуры Словарь В. И. Даля, как известно, сыграл исключительно важную роль. Эта роль определяется не только тем, что ему удалось создать так называемый тезаурус русского языка. Широкомасштабная деятельность В. И. Даля привела к лексикографической фиксации, описанию и интерпретации лексико-фразеологических и паремиологических единиц русского языка, которые, вне всякого сомнения, были бы утеряны, особенно если учитывать трансформацию русского языка после революции. Следует отметить, что Словарь В. И. Даля, хотя его и принято называть *тезаурусом*, подлинным тезаурусом не является. Тезаурус, как известно, дает описание всех форм слова, встречающихся в различных текстах.

В БАС приводится множество иллюстративного материала, анализ которого позволяет выявить дистрибуцию этого слова в русском языке. Особенностью нормативных словарей русского литературного языка является опора на классические образцы. Следует отметить, что эта особенность придает особую достоверность статьям из БАС, поскольку таким образом учитывается культурная традиция, складывающаяся на протяжении веков. Первый пример, который приводится в БАС, из «Княжны Мери» М. Ю. Лермонтова. В окружении слова *совесть* здесь выступает глагол *отягощать*. Возможно, это несколько необычная конфигурация, но она вполне понятна. В тексте она употребляется с отрицательной частицей: *не отягощая слишком своей совестью* (4, 71-72). Очевидна ирония, однако сама по себе конфигурация не выглядит окказиональной. В следующих примерах обнаруживаются такие сочетания, как *совесть говорит, продажная совесть, рабочая, врачебная, политическая, революционная, партийная, не позволяет, общественная, угрызения, укоры, мучить, терзать, грызть, проснуться, голос, чистая, спокойная, хватает* (4, 72-73).

Дистрибуция лексемы *совесть*, представленная в «Словаре сочетаемости слов русского языка», фактически ничем не отличается от рассмотренных по академическим словарям (5, 526). Совершенно очевидно, что дистрибуция дифференцируется в коннотативном отношении. Причем отрицательная коннотация выражена ярче по сравнению с положительной. Следует также отметить, что дистрибуция, представленная в словарях, поддается членению с точки зрения валентности лексемы *совесть*. М. Фасмер указывает, что сознание представляет собой кальку с латинского *conscientia* (7, 707). Фактически то же указывается по поводу лексемы *совесть* (7, 705). Правда, здесь отмечается калька с греческого прототипа. Получается, что *совесть* калька с греческого, *сознание* – калька с латинского. При этом образная основа идентична. В «Словаре сочетаемости» дается очень простая и при этом очень точная дефиниция слова *сознание*: «Восприятие и понимание окружающего, свойственное человеку» (5, 534). Дефиниция позволяет определить такие семантические множители, как «чувство», «ощущение», «приятно»,

«неприятно», «возбуждение», «воздействие», «реакция», «среда», «информация», «страх», «радость», «ассоциация», «память», «выбор», «интеллект» и т.д. Перечисленными множителями не исчерпывается семантический объем лексемы сознание, тем не менее именно они структурируют отмеченную дефиницию. Конечно, опыт современного машинного выделения множителей свидетельствует о значительно большем охвате, однако, чем дальше от центра или концептуального ядра значения, тем труднее охватить семы на уровне ассоциаций. Предложенные же нами системно связаны и составляют единую ассоциативную цепь. На уровне лексических значений лексемы совесть и сознание связаны не настолько, чтобы их можно было назвать синонимами. Вместе с тем, они обнаруживают логико-предметную связь, позволяющую говорить о причинно-следственной обусловленности. Так, например, чувство ответственности за собственное поведение предполагает понимание окружающего. Данный интерпретационный контекст восстанавливает мотивацию префикса *со-*, поскольку в обоих случаях речь идет об идентичности восприятия и понимания. Сами по себе нейтральные по отношению к духовно-нравственному началу понятия «восприятие» и «понимание» приобретают нравственное осмысление посредством семантики данного префикса. Иными словами, субъект воспринимает факт и осмысливает его содержание аналогично *другому* или объекту. Если использовать терминологию И. Канта, то вещь в себе становится вещью для нас. Идентичная интеллектуальная модель реализуется и в случае таких лексем, как *сочувствие, сопереживание, сострадание*. Экстралингвистические факторы, на наш взгляд, позволяют говорить о единой парадигме лексических единиц с префиксом *со-* в русском языке. Даже такое в общем-то далекое по смыслу слово, как содействие также соотносится с совестью и сознанием, поскольку исходит из идентичности восприятия внешнего опыта. Таким образом, казалось бы, далекие по смыслу слова могут охватываться семантическим полем, организуемым в русском языке базовой лексемой *совесть*.

Лексема *сознание* образует в современном русском языке систему производных, в той или иной степени сохраняющих семантическую связь с производящей основой. Согласно Словарю под редакцией Д. Н. Ушакова, в данную парадигму входят слова *сознавать, сознаваться, сознанный, сознательность, сознательный, сознать, сознаться* (6, 257-258). В эту же парадигму входят префиксальные образования: *осознавать, осознаваться, осознанный, осознать* (6, 232). Семный анализ позволяет выявить довольно значительные расхождения в значениях. При этом связь с производящей основой не всегда ощущается на эксплицитном уровне. Так, например, *сознавать* и *сознаваться* не просто отличаются за счет семантики возвратной частицы, но обнаруживают концептуальные отличия. Лексема *сознавать*, будучи непосредственно связана со словом *сознание*, обозначает соответствующий процесс восприятия и понимания того, что происходит вокруг. Вместе с тем, глагол *сознавать* отличается от *сознания* фактом актуализации данной человеческой способности. Глагол *сознаваться* обнаруживает эволюцию значения еще в большей степени, поскольку здесь подчеркивается факт рефлексии по поводу факта действия. Ср. *сознаваться в содеянном, сознаваться в собственных ошибках* и т.д.

ƏDƏBİYYAT

1. Большой толковый словарь русского языка. Автор и руководитель проекта, главный редактор С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000, 1536 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том 1. СПб.-Москва: Издание т-ва М. О. Вольф, 1912, 1744 стб. Том 4. СПб.-Москва: Издание т-ва М. О. Вольф, 1912, 1619 стб.
3. Словарь русского языка в 4-х томах. Том 1. М.: Русский язык, 1981. 698 с.; Том 4. М.: Русский язык, 1984, 794 с.
4. Словарь современного русского литературного языка в 17 томах. Том 1. М.-Л.: АН СССР, 1948, 736 с.; Том 17. М.-Л.: Наука, 1965, 2126 с.
5. Словарь сочетаемости слов русского языка. Под ред. П. И. Денисова и В. В. Морковкина. М.: Русский язык, 1983, 688 с.
6. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка в 3-х томах. Том 1. М.: Вече. Мир книги, 2001, 704 с.; Том 3. М.: Вече. Мир книги, 2001, 67 с.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Том 1. М.: Прогресс, 1964, 562 с. Том 4. М.: Прогресс, 1973, 852 с.

RUS DİLİNDƏ VİCDAN SÖZÜ İLƏ YARANMIŞ SEMANTİK SAHƏ

Xülasə:

Məqalə rus dilində “vicdan” konsepti ilə verballaşmış leksik vahidlərin semantik sahəsindən bəhs edilir. Müasir rus dilinin lüğətlərində vicdan leksik vahidi bəzi dəyişikliklərlə sabitləşir. Müasir rus ədəbi dili lüğətində vicdan- öz davranış və hərəkətlərinə görə özünə, ətrafdakı insanlara, cəmiyyətə qarşı mənəvi məsuliyyət hissi və şüuru; əxlaqi prinsiplər, baxışlar, inanclar sistemi kimi xarakterizə olunur. Fikrimizcə, rus dilində *vicdan* sözünün semantik quruluşunda aparıcı semelərdən biri də “qorxu” semasıdır. Vicdan sözünün məna strukturunda bu seme periferiyada həyata keçirilir, çünki vicdan insanın tətbiq edilməmiş, sırf könüllü qərarları ilə əlaqələndirilir. Məqalənin yazılmasında müxtəlif elmi mənbələrdən istifadə edilmişdir.

Açar sözlər: *sahə, semantika, vicdan, leksik vahid.*

Summary:

The article deals with the semantic field of lexical units verbalized by the concept of "conscience" in Russian. In modern Russian dictionaries, the lexical unit of conscience is stabilized by some changes. In the dictionary of modern Russian literary language, conscience is characterized as a system of moral principles, views, beliefs, a sense of moral responsibility and self-responsibility for oneself, people around oneself and society. In our opinion, one of the leading semantics in the semantic structure of the word conscience in the Russian language is the "fear" semantic. In the semantic structure of the word conscience, this seme is performed in the periphery, because human's conscience is associated with unapplied, purely voluntary human decisions. In another case, fear prevails and there is no need to talk about conscience.

Keywords: field, semantics, conscience, lexical unit.